

Плоская Дания.
Каждый холмик – неожиданность и откровение.
Каждый клочок земли – возделан.
Разделен на квадраты, засеян.
Все это будет скошено, съедено, выпито.

Впрочем, все очень мило.
Домики, домики, домики:
желтые, белые, красные –
все одинаковые. Поле опять.
Коровы. На каждой из них –
черно-белый аккуратный узор.
Кажется, здесь умудрились продумать
даже конфигурацию пятен на шкуре.

Игрушечные разноцветные автомобили
проскакивают совершенно бесшумно.
Все чисто вымыты – до лоска. До блеска.
Все хорошо. Поверхность жизни организована
вымерена до мелочей.

Если что и нарушит заведенный порядок –
то это лишь:
беспокойные, абсолютно неправильные
очертания облаков (до них не дотянешься,
не достанешь, не уложишь квадратиками, как
игрушки Lego).
И еще: темно-синий, неровный, какой-то рваный
цвет неба, звучащий неясной угрозой.

◇ ◇

Начало сентября прозрачным шведским утром.
Кленовый лист, повернутый изнанкой
серебристо-белой ко мне. Его подняв,
вдруг обнаруживаю: он совсем зеленый,
свежий, яркий – как будто бы
он только распустился – навстречу лету,
как будто и не падал с ветки на асфальт холодный,
как будто нет ни осени, ни ветра в перспективе.

Я бережно держу мою находку;
решаю сохранить и прячу в сумке.
спасти, увековечить, засушить,
продлить мгновенье бытия любой ценою,
чтоб чудо было – навсегда, навеки!

А вечером, придя домой, я достаю сокровище.
Лист сухо распадается в ладони.